

Цзян Ши вспомнил их первую встречу со Сы Юэ. В тот день погода в Цинбэе, как обычно, была отвратительной.

Проливной дождь нещадно хлестал по лицу. Из-за того, что в таблице итоговых экзаменов прежней школы его рейтинг опустился всего на одну строчку, родители отчитывали его всю дорогу — от самого дома до школьных ворот.

Водитель припарковался. В руки Цзян Ши впихнули туго набитый рюкзак, после чего отец просто вытолкнул его из машины. Дверь захлопнулась с безжалостным стуком, и автомобиль рванул с места, обдав парня грязной водой из лужи. Мутная жижа потекла по штанинам прямо в кроссовки.

И тут прямо перед ним остановился другой бизнес-автомобиль, такой же черный, но ехал он медленно, не подняв ни единого всплеска.

Дверь открылась. Первым, что он увидел, были пять длинных тонких пальцев, сжимавших серебристую рукоять зонта. Владелец лимитированных кроссовок еще не успел коснуться земли, как в воздухе отчетливо прозвучало: «Вот блин!»

Из салона донесся мягкий, почти не похожий на выговор голос:

— А-Юэ, что мама говорила тебе дома? Не выражайся так грубо.

— Знаю я, — парень закинул зонт на плечо.

Цзян Ши во все глаза уставился на его лицо — невероятно изысканное, почти нереальное. Он видел немало красивых людей; в богатых семьях не позволяли детям уступать окружающим ни в чем, включая внешность.

Но редко кому удавалось сочетать в себе капризную надменность и искреннюю доброту так гармонично, как это получалось у Сы Юэ.

Его ресницы были самыми длинными из всех, что Цзян Ши когда-либо видел: не слишком густые, но длинные и мягкие. Когда он поднимал веки, во взгляде читалась легкая леность, присущая балованным наследникам.

— У тебя штаны промокли, — он ткнул пальцем в сторону застывшего «истукана», чей зонт давно покосился. — И еще, не мог бы ты отойти? Ты загородил проход, мне не выйти.

Цзян Ши, словно ожившая статуя, одеревенело отступил в сторону.

Тот же мягкий женский голос снова послышался из машины:

— Будь вежливее с одноклассником, — миловидная женщина, чертами лица на семьдесят процентов схожая с сыном, виновато улыбнулась Цзян Ши. — А-Юэ говорит что думает, не принимай близко к сердцу.

Цзян Ши уже и не помнил, что ответил тогда матери А-Юэ. Он был просто потрясен тем, что на свете бывают такие нежные матери.

Мальчишка, чистый и хрупкий, словно белый нефрит, спрыгнул на землю. Он взял салфетку, протянутую матерью, и тут же всунул её в руки Цзян Ши:

— Обувь-то, небось, дорогая. Жалко будет, если испортится.

Цзян Ши сжал салфетку в кулаке и бросился вдогонку.

— Хочешь со мной дружить? — робко спросил он.

Сы Юэ оглядел его: одет вроде не бедно, а всё туда же — в свиту набивается. Хоть Сы Юэ и был «главарем» в начальной школе, он не каждого брал под крыло.

— Придется бегать мне за вкусняшками.

— И помогать с домашкой.

— И никакого неравенства: старшие не обижают младших, сильные — слабым.

В тот день погода была почти такой же скверной, как сегодня. Разве что сейчас дождь казался спокойнее. Но тогда ливень приносил с собой тепло, согревающее душу, а сегодняшней — пробирал до самых костей.

Простояв немного под козырьком корпуса факультетских кураторов, Цзян Ши почувствовал, что окончательно замерз. Резкий, неприятный рингтон в кармане вырвал его из путаницы мыслей.

Он безучастно ответил на звонок.

— Профессор Фань Си? Здравствуйте, — Цзян Ши развернулся и пошел прочь, в сторону, противоположную той, куда ушел Сы Юэ. — Бай Цзянь хочет поговорить с вами. Вы правда думаете, что после его вступления в долю у вас останется хоть какая-то свобода в проекте? Ученые должны концентрироваться на самих экспериментах...

Результаты проверочного теста прислали в общий чат группы перед окончанием дневных занятий.

Сы Юэ дремал — дождливая погода идеально для этого подходила.

За окном будто уже наступила ночь. Сы Юэ подпирал щеку рукой, прислонившись затылком к

стеклу. Сумрак улицы сталкивался с резким светом люминесцентных ламп, прочерчивая на его лице четкую границу света и тени.

Во сне его лицо оставалось бесстрастным, а черты приобрели холодную, отстраненную суровость. Запах, оставленный на нем Бай Цзянем, уже почти выветрился.

Чэн Цзюэ открыл таблицу. В списке первыми шли тритоны, и он, согласно номеру в журнале, замыкал их список. Сы Юэ был единственным человеком в группе, поэтому их имена в таблице стояли рядом.

Чэн Цзюэ затаил дыхание и медленно прокрутил страницу до колонки с баллами: 82. Уф! Едва проскочил порог.

А следом шел результат Сы Юэ.

98?

98!

— Малыш, у тебя девяносто восемь... — Чэн Цзюэ принялся трясти спящего друга. Параллельно он просматривал баллы остальных. После Сы Юэ лучший результат был у старосты — 96. Получается, на этой проверке Сы Юэ стал первым.

В этот момент в чате появилось сообщение от преподавателя:

«Сы Юэ должен был получить высший балл, но два балла я снял за оформление. Сы Юэ, обрати на это внимание перед итоговым экзаменом, найди время поработать над почерком».

Чэн Цзюэ невольно закивал. Во время теста он мельком заглядывал в листок соседа: тот строчил с бешеной скоростью, буквы сливались в сплошную неразборчивую вязь — настоящий «полёт дракона и танец феникса».

Раздраженный тряской, Сы Юэ просто уткнулся лицом в парту, отвернувшись к окну.

Чэн Цзюэ: «...»

Обычно способности тритонов и людей к обучению сопоставимы. На общих специальностях в топе рейтинга количество представителей обеих рас делится примерно пополам. Однако в специфических областях, где тритоны традиционно сильны, люди почти никогда не могут их превзойти.

Тем более на факультете медицины тритонов — узкопрофильном направлении. Предметы первого семестра кажутся простыми, но многие вопросы для тритонов являются базовыми знаниями, в то время как люди о таком даже не слышали.

То, что Сы Юэ умудрился получить почти максимум на таком факультете, вызвало у одноклассников-тритонов шок и недоверие. Это выглядело так, будто какой-то человек понимает природу тритонов лучше, чем они сами.

В чате поднялся гул.

[Я сейчас лопну от зависти.]

[Сы Юэ точно человек? Может, он потерянная жемчужина нашего вида?]

[Как можно получить максимум? Даже за открытые вопросы? Он списал? У господина Бай Цзяня полно денег, раздобыть какой-нибудь высокотехнологичный гаджет для списывания для него раз плюнуть.]

[Я склоняюсь к тому, что у него просто высокий IQ.]

[Это была внезапная проверка, о ней не предупреждали. Как подготовить гаджет заранее?]

[А за этот тест добавят баллы к итоговому рейтингу? Сколько?]

[5.]

[Но у него 98, а не 100.]

[Вы ведомость смотрели? Ему уже всё добавили.]

[Завидую-у-у...]

Сы Юэ проснулся как раз к звонку. Чэн Цзюэ смотрел на него с нескрываемым обожанием.

— Проснулся? Всю жизнь мечтал дружить с гением.

В группе только три человека не набрали 80 баллов, три четверти едва перевалили за порог, и только Сы Юэ получил «автоматом» максимум, потеряв два балла лишь из-за отвратительного почерка. Но даже так — 98 баллов были лучшим результатом.

Больше всего всех задевало именно то, что он — человек, но стал первым в их «родной» дисциплине. Скверное чувство. Если у него такой пугающий талант, то на итоговом экзамене, к которому можно подготовиться заранее, он вообще оставит их всех далеко позади.

Сы Юэ вытер уголок рта, убедился, что не пустил слюну, и растерянно переспросил:

— С каким еще гением?

— ... — Чэн Цзюэ не верил, что Сы Юэ может относиться к этому так легкомысленно. — Ты первый в рейтинге за тест. У тебя максимум, просто препод снял два балла за то, что пишешь как курица лапой.

Сы Юэ всё еще пребывал в прострации.

— А, — заторможенно отозвался он.

Чэн Цзюэ: «...»

Спустя добрую минуту Сы Юэ окончательно пришел в себя. Он вытащил телефон и подозрительно спросил:

— Реально сняли за почерк? А мне казалось, у меня красивые буквы. Думал, такое только на школьной литературе бывает, а тут и в универе придираются.

Чэн Цзюэ неопределенно хмыкнул и потянул его за собой:

— Кто их знает. Нам пора в институт на регистрацию, пойдем скорее.

Это и было главным событием дня для Сы Юэ. Убедившись в потере баллов, он запихнул телефон и пару учебников в рюкзак и поднялся:

— Идем-идем. Уже совсем стемнело.

На экране телефона висело сообщение от Бай Цзяня, присланное полчаса назад:

«А-Юэ, будь осторожен».

Цинбэй делится на семь округов. Самым захолустным считается район Чаншуй, где и располагался Третий институт.

В последние годы правительство махнуло на Чаншуй рукой. Это не была приоритетная зона развития: здесь не было портов, туризма или толкового руководства, в отличие от других округов, где народ жил припеваючи. Район пытался бороться за существование, но всё, чего добился — это статуса промышленной зоны. Теперь всё небо здесь было утыкано заводскими трубами. Станки работали день и ночь, рабочие в три смены сменяли друг друга, и во время пересменок из ворот выходили толпы людей с серыми, безжизненными лицами.

Если над остальными шестью округами Цинбэя висел туман, то над Чаншуйем стоял вечный смог. Институт разработал реагент В79 для его рассеивания, так что сейчас стало чуть лучше; раньше небо здесь вообще не прояснялось. Но даже так население района ежегодно сокращалось — все, кто мог, уезжали.

От улицы Хуайхуа, где находился университет, до Чаншуйя пришлось ехать больше двух часов, даже на максимально разрешенной скорости.

Дождь стих.

Чэн Цзюэ опустил стекло, глядя на сточные канавы вдоль дорог, и поморщился:

— С Седьмым институтом даже сравнивать смешно. Не зря говорят, что Третий — это ссылка.

Сы Юэ порадовался, что поехал на «Куллинане» — у него высокая посадка, да и черный цвет скрывает грязь. Дороги здесь были узкими, разбитыми тяжелыми фурами; асфальт шел трещинами, а местами превращался в глубокие рытвины с грязной водой.

Машину подбрасывало на кочках. Чэн Цзюэ вцепился в ремень безопасности:

— Полегче, у меня чувство, что я сейчас вылечу.

Они въехали в жилую часть района. Магазины работали, и на первый взгляд отличий от центра было немного, разве что всё выглядело ветхим. Заводской дым всё равно долетал и сюда, окутывая крыши. Почти все прохожие были в масках и куда-то спешили.

Здесь не было небоскребов. Самым высоким сооружением была железная вышка, обклеенная плакатами с моделями в вызывающих позах и ярко-красным лозунгом: «Урологическая клиника „Боци“ — мы вернем вам силу!»

Планировка района была ужасающей. Точнее, её не было вовсе.

Сы Юэ кожей чувствовал на себе взгляды прохожих. «Куллинан» — не самый дорогой в мире автомобиль, но для Чаншуя он был экзотикой. Рядом прополз автобус с облезлой краской; щель между дверями была такой широкой, что в неё мог бы выпасть ребенок.

Чэн Цзюэ заворуженно наблюдал за этим.

— Я слышал, что тут дыра, но не думал, что настолько.

Он поспешно закрыл окно, почувствовав, как на лицо за пару минут осела невидимая пыль.

— Тьфу-тьфу! — он попытался отплеваться. — Кажется, песок на зубах скрипит.

У Сы Юэ стало тяжело на душе. Он не любил такие места.

Через двадцать минут они припарковались у ворот Третьего института. Если Седьмой институт напоминал величественный музей, то Третий походил на хижину: ржавые ворота, шлагбаум, который охраннику приходилось подцеплять железным крюком, кирпичные ступеньки и покосившиеся вывески.

— Директор еще вчера сказал, что приедут студенты, а я думал — привиделось ему со спросонья, — охранник с протезом на одной ноге ковылял на удивление быстро. — В этом гиблом месте мы просто дни просиживаем, а тут кто-то добровольно явился.

Чэн Цзюэ прошептал на ухо Сы Юэ:

— Первый раз вижу, чтобы так отзывались о своем месте работы. Не боится, что зарплату срежут?

Охранник был в новенькой форме. Сы Юэ вспомнил объявление на столбе у школы и слова отца о квотах на трудоустройство инвалидов. Видимо, этот человек был из новобранцев.

Несмотря на ветхость, система безопасности работала исправно: сканер лица опознал охранника, и двери медленно разъехались. Перед ними открылся длинный сумрачный коридор. В его конце было открыто окно, и сквозняк, проносясь по всему зданию, ударил парням в лица.

Чэн Цзюэ тут же вцепился в рукав Сы Юэ. Охранник кашлянул, и в коридоре зажегся зеленый свет, реагирующий на звук.

Сы Юэ: «...»

— У вас в институте проблемы с чувством вкуса? — шепотом спросил Чэн Цзюэ. — Зачем зеленые лампы? Жуть какая-то.

Охранник почесал затылок:

— Не знаю, я тут всего пару дней. Может, «зеленые» технологии типа?

Институт находился на окраине, но шум города — гудки машин и людской гул — всё равно доносился сюда. Зато море было далеко, так что о пляжах и солнечных ваннах, как в Седьмом институте, можно было забыть.

Коридор оказался действительно длинным. Когда-то Третий институт был не менее значимым, чем Седьмой, и, хотя внешне он обветшал, внутри сохранилось всё необходимое оборудование.

У лифтов Сы Юэ увидел сотрудников в белых халатах, толкавших тележки с контейнерами. Лифты делились на пассажирские и грузовые, но на деле все пользовались тем, что быстрее приедет.

Сы Юэ, чье зрение стало намного острее, мельком заглянул в щель контейнера — там виднелись пенопласт и пластиковые пакеты, упаковано всё было очень плотно. Он хотел рассмотреть получше, но рослый сотрудник загородил ему обзор, недовольно зыркнув на парня.

Сы Юэ не стал вступать в конфликт и зашел в лифт вслед за охранником. Тот нажал кнопку верхнего этажа.

— В Третьем институте можно многому научиться, тут работы навалом. Я всего три дня работаю, а уже в лаборатории помогал скальпели подавать, — с гордостью сообщил охранник. — Людей катастрофически не хватает, один за четверых пашет. Иногда сам директор в столовой овощи чистит.

Сы Юэ: «...»

На верхнем этаже обзор был отличный — весь Чаншуй как на ладони. Здесь было гораздо светлее, и лампы горели обычным светом. Вдоль стен стояли кадки с растениями, на каждой висела табличка с названием, возрастом и датой последнего полива. Было видно, что за ними ухаживает кто-то очень заботливый.

Охранник постучал в черную деревянную дверь в конце коридора. Спустя несколько минут им открыли.

Сы Юэ напрягся. Чэн Цзюэ вежливо поздоровался, и Сы Юэ сухо повторил за ним:

— Здравствуйте, господин директор.

Директор оказался гораздо моложе, чем они ожидали — на вид не больше тридцати. Волосы аккуратно зачесаны назад, очки в тонкой оправе придавали ему вид ученого, халат был идеально выглажен. От него веяло чистотой и элегантностью.

— Проходите, ребята, — Чжоу Вэньсяо улыбнулся очень мягко.

Чэн Цзюэ был очарован. Он и представить не мог, что в таком захолустье может работать такой утонченный человек. Не зря приехали!

Охранник остался ждать снаружи, чтобы проводить их потом обратно. Кабинет директора не был роскошным. Вместо ламп горели свечи. Мебель была деревянной, на диванах лежали тонкие пледы. Повсюду книги — на полках, на столах, на тумбах. В центре стоял горшок с пышной орхидеей, которая, правда, еще не цвела.

Сы Юэ глянул в окно. Странно: в кабинете не было дневного света и ламп, как эта орхидея умудрялась расти гуще, чем в дикой природе?

Чжоу Вэньсяо налил им воды, расспросил о личных данных и улыбнулся еще нежнее:

— А-Юэ — человек?

Тон был очень дружелюбным. Сы Юэ кивнул.

— Это впечатляет, — искренне похвалил директор. — Послушайте, я знаю, что академия выдает вам трекееры. Должен предупредить: в лабораторном корпусе стоят глушилки, так что в определенных зонах ваши маячки работать не будут. Но стоит выйти наружу, и всё наладится. Кроме того, на рабочем месте запрещено пользоваться телефонами, на входе в лаборатории — досмотр.

Всё было строже, чем казалось. Место хоть и дыра, а правила как в Седьмом.

— Можете приходить, когда нет пар, но один из выходных — субботу или воскресенье — вы

обязаны посвятить учебе, хорошо? — голос Чжоу Вэньсяо был таким ласковым, будто он говорил с детьми. — В следующий раз я познакомлю вас с наставниками, сейчас они в Пятом институте на подмоге.

Затем он задал еще кучу мелких вопросов. Сы Юэ отвечал осторожно.

— Если всё свободное время тратить на учебу, на личную жизнь времени не останется, — с улыбкой заметил Чжоу Вэньсяо, подливая воды в стакан Чэн Цзюэ.

Тот поблагодарил и ляпнул:

— Да какая любовь? Мы со Сы Юэ вообще жениться не собираемся, мы сторонники одиночества.

На его лице не было ни тени лжи. Сы Юэ покосился на друга: а Чэн Цзюэ не так прост, как кажется.

Чжоу Вэньсяо снял их отпечатки пальцев в соседней комнате, выдал новые пропуска и занес данные лиц в систему. Закончив, он облегченно вздохнул.

— Ну вот, в следующий раз охранник вам уже не понадобится.

Он дружески похлопал Сы Юэ по плечу.

Сы Юэ не любил прикосновений незнакомцев, особенно таких подозрительно «безвозрастных». Заметив его неловкость, Чжоу Вэньсяо не обиделся и вежливо проводил их до двери.

Как только дверь кабинета закрылась, улыбка мгновенно исчезла с его лица. Он подошел к раковине, тщательно вымыл руки антибактериальным мылом, вытер их и еще раз обильно опрыскал антисептиком — каждый палец, каждую ладонь.

Дождавшись, пока спирт испарится, он снял халат, повесил его на крючок и сел за стол. Он перевернул рамку с фотографией, лежавшую до этого лицом вниз.

На фото был остров. Белоснежная пена волн напоминала первый снег, морская гладь сияла лазурью, а на прибрежных рифах лежали тритоны. Солнце заливало весь остров золотым светом.

На обратном пути Чэн Цзюэ не умолкал. Он всегда мечтал о работе в институте, и теперь, получив практику раньше срока, не мог усидеть на месте от восторга.

— Директор классный, такой эрудированный. Жалко только, что здание разваливается, — он повернулся к Сы Юэ. — Слушай, давай вместе ездить? Я буду заезжать за тобой, и рванем в Чаншуй.

— М-м, — отозвался Сы Юэ. — Но я живу на вершине горы.

Чэн Цзюэ: «...» Точно.

Господин Бай Цзянь не любил городской шум, поэтому поместье располагалось в горах. Вся гора принадлежала семье Бай: там были пастбища для лошадей и собственные теплицы. Обычным богачам до такого было далеко.

— Ну, я подожду тебя у подножия, — Чэн Цзюэ посмотрел на разбитую дорогу и брызги черной жижи. — Буду платить за бензин.

Сы Юэ не согласился.

— Отсыпь мне своих конфет, и в расчете.

Чэн Цзюэ щедро отдал ему половину своих запасов из рюкзака:

— У меня дома еще полно, завтра целый пакет принесу.

Высадив друга у общежития, Сы Юэ поехал домой. Было уже больше десяти вечера. Фонари на горном серпантине отключали в десять ради экономии и экологии — правила семьи Бай были строги. Но стоило машине Сы Юэ въехать в ворота, как охрана включила рубильник, и вся дорога мгновенно озарилась огнями, словно светящаяся лента, обвивающая лес.

Отдав ключи парковщику, Сы Юэ сладко зевнул. Закинув рюкзак на плечо, он зашел в дом, на ходу разворачивая кисло-сладкую конфету. И как он раньше их не пробовал? Оказалось — обедение.

В гостиной дядя Чэнь и Бай Лу готовили чай с молоком. В старинном чайнике бурлили шарики тапиоки. Дядя Чэнь медленно помешивал их длинными палочками, а Бай Лу, развалившись на столе, лопал ложкой уже охлажденный напиток.

Услышав шум, Бай Лу тут же наострил уши.

Сы Юэ бросил рюкзак на тумбу и скинул обувь.

— Я дома... — вяло протянул он.

В дороге усталость не чувствовалась, но дома навалилась разом. Наверное, в Третьем институте нервы были слишком напряжены. Место хоть и странное, но не сказать чтобы аномальное. Хотя для «ссылного» института это, пожалуй, и было нормой.

— А-Юэ, ты вернулся! Я так скучал! — Бай Лу подскочил и обнял его, радостно воскликнув: — Ой, от тебя больше не пахнет братом!

Сы Юэ понюхал свой рукав:

— Я ничего не чувствую.

— Скоро научишься! — Бай Лу вис на нем, не желая отпускать. — Сейчас брат наверняка снова «пометит» тебя своим запахом, так что дай мне сначала пообниматься, я сто лет тебя не видел.

Он терся о Сы Юэ, как кот. Тот с улыбкой отпихнул его голову от своей груди:

— А где твой старший брат?

— Занят, всё поет свои песни, — глаза Бай Лу сияли фиолетовым, как драгоценные камни. — У меня только ты остался.

Сы Юэ потрепал его по волосам и посмотрел на дядю Чэня. Тот отложил палочки на серебряное блюдо и неспешно произнес:

— Господин Бай Цзянь ждет вас в малой гостиной. Сказал, что хочет кое-что спросить.

— Меня? — Сы Юэ удивился. О чем им говорить, кроме нежностей?

Дядя Чэнь кивнул.

Бай Лу нехотя дошел с ним до дверей и отпустил. Он не собирался мешать их уединению, поэтому, то и дело оглядываясь, вернулся на ковер. Он полез пальцами в миску за горячей тапиокой.

— Ой, горячо!

Дядя Чэнь: «...»

— Ты хотел меня видеть? — Сы Юэ придвинул стул и сел напротив Бай Цзяня.

Тот снова заваривал чай, и комната была наполнена ароматом трав. На столе был идеальный порядок, у чайника стояли ряды посуды, предназначение которой Сы Юэ понимал с трудом.

Бай Цзянь был без очков. В свете настенных бра его взгляд казался мягким и всепрощающим. Совсем не так, как у Чжоу Вэньсяо.

Сы Юэ наконец понял, что его смутило в директоре: тот пытался подражать этой мягкости Бай Цзяня, но у него она была фальшивой, поверхностной.

— Послушай-ка.

Бай Цзянь выключил плитку, вытер пальцы и открыл короткий аудиофайл на ноутбуке.

Сы Юэ с любопытством смотрел на него. Что слушать?

После короткого шипения раздались голоса:

«Ты выбрал его только потому, что Бай Цзянь — тритон?»

«Потому что он богатый, ясно тебе?»

Сы Юэ замер. Это был его дневной разговор с Цзян Ши. Какого черта он в ноутбуке у Бай

Цзяня?

Теперь мягкость Бай Цзяня показалась ему такой же фальшивой, как у того директора. Очевидно, Бай Цзянь приготовился требовать объяснений.

Мозг Сы Юэ заработал на пределе. Он вскочил, изображая праведный гнев:

— Ты за мной шпионишь?!

Бай Цзянь подпер подбородок рукой и постучал пальцем по столу:

— Не паясничай. Сядь.

— ... — Раскусил.

Сы Юэ покорно сел, придвинув стул поближе.

— Откуда у тебя эта запись? — прошептал он.

Бай Цзянь усмехнулся:

— А ты как думаешь?

Сы Юэ открыл было рот, но осекся. Спрашивать бессмысленно. Днем у корпуса кураторов, кроме него и Цзян Шии, никого не было.

— Я не сержусь, — мягко произнес Бай Цзянь, глядя ему в глаза. — Но мне всё же любопытно: А-Юэ, ты правда выбрал меня из-за денег, как сказано на записи?

Сы Юэ пошел ва-банк:

— Ну так изначально я и согласился на брак из-за тех тридцати миллиардов долга, ты же сам знаешь.

Бай Цзянь: «...»

— А сейчас?

— Сейчас, конечно, нет! — поспешил заверить Сы Юэ. — Сейчас ты мне правда нравишься.

В глазах Бай Цзяня промелькнула смешинка. Он погладил Сы Юэ по волосам:

— На самом деле, даже если бы ты и сейчас выбрал меня только из-за денег, это не страшно.

Сы Юэ нахмурился:

— Почему это?

Ладонь Бай Цзяня медленно скользнула с макушки к щеке. Большой палец пробрался между губами Сы Юэ и грубовато провел по кончику языка — в наказание. Сы Юэ попытался отстраниться, но Бай Цзянь властно перехватил его за подбородок.

— Потому что во всем Цинбэе ты всё равно не найдешь никого богаче меня, — с изящной улыбкой хищника произнес Бай Цзянь. В его тоне звучала абсолютная, непоколебимая уверенность.

<http://bllate.org/book/14657/1301534>